

ПОХВАЛА МАХНОВЩИНЕ

*А Махно спешит в тумане
По шляхам просторным,...
В монастырском шарабане,
Под знаменем Черным.*

Эдуард Багрицкий

Наш очерк не "апология" Анархизма и Махновщины, а рассуждение, разговор о некоторых эпизодах русской революции, о российской безумщине, вскользь о деньгах, о хлебе, о главных вехах махновского движения по фактам и цифрам, известным теперь всем любопытным читателям. Сразу оговорюсь, что, излагая историю Махновщины, мы заранее отвергаем шаблоны как врагов, так и почитателей этого удивительного явления русской истории, в центре которого стоял Великий Человек Нестор Иванович Махно.

Нашему герою крупно повезло. Он сразу, еще при жизни, попал в легенду. Бред, чушь и ложь плелись за ним следом, превращая гражданина с паспортом в миф и сказку.

21 октября 1889 года, в семье кучера Ивана Михненко и Евдокии Передерий родился пятый по счету сын, Нестор. Через год умер отец. Бедность семьи была до такой степени удручающей, что выдавшие виды жители Гуляй-Поля, проходя мимо соломенной хибары Махно, покачивали головами. В семье вдовы все от мала до велика работали, но достатка не заводилось. Едва вставшего на ноги Нестора отправили на заработки. Он пас барских коров, батрачил у богачей, забивал гвозди в мастерских некоего господина Кернера, получая 25 копеек в день. В 1904 году из семьи выдернули в рекруты Савву и погнали на японский фронт, откуда он вскорости вернулся без ноги.

Бунты 1905 года, вспыхнувшие на просторах необъятной России, захватили и подростка Нестора Махно. В родном Гуляй-Поле он сошелся с бунтарями, чехом Владимиром Антони и Прокопом Семенютой, читавшими по ночам книжки Бакунина и Кропоткина. Вскоре они приступили к настоящему делу. С оружием в руках они чистили банки, почтовые поезда, дома богачей и немецких колонистов. Деньги в кабаках не проматывали, а тасили в типографию г.Александровска, где тискали прокламации с призывом к "мировой социальной революции". В 1907 году Нестор попался на мокром деле. Но после шести месяцев допросов от него ничего не добились, и он был выпущен на поруки. В следующем, 1908 году, засланный в группу анархистов провокатор, донес о готовящемся налете, и 14 боевиков во главе с Лейбой Гореликом были повязаны. Снова Александровский Централ. За "особо опасным террористом" - по доносу - висело: распространение литературы преступного содержания, вооруженный грабеж и убийство пристава Янчука-Кобылина, - смертная казнь или вечная каторга. Утомительно долго тянулось следствие. 26 марта 1910 года суд приговорил восемнадцатилетнего Нестора Махно к смертной казни через повешение. 52 дня Махно просидел в камере смертников, после чего последовало постановление: казнь заменить каторгой сроком в 15 лет. Заболевшего чахоткой, закованного в кандалы преступника 2 августа 1911 года переправили в московские Бутырки.

Земской школы, которую Махно окончил с отличием, было недостаточно, чтобы овладеть "идеями анархизма". Настоящие "университеты" начались в тюрьме. "Он вечно был в спорах, в расспросах, бомбардировал тюрьму своими записками" - вспоминает его сокамерник и биограф, анархист Аршинов-Марин. "В тюрьме я прочитал всех русских писателей, начиная с Сумарокова и кончая Львом Шестовым" - говорит Н.И.Махно в своей автобиографии.

"За неодобрительное поведение, он (Махно) в течение девяти лет, до последнего дня заключения, пробыл закованным по рукам и ногам, пока, наконец, восстанием московского пролетариата не был освобожден 2 марта 1917 года, наряду с остальными политическими заключенными" - вспоминает все тот же Аршинов-Марин. "Остальные", с которыми Махно близко сошелся, не разделяя взглядов, были Феликс Дзержинский, Рудзутак, через три года ставшие смертельными врагами.

В бурлящей Москве Нестор оставался недолго. Федерация Анархистов, где он остановился, влачила жалкое существование. Московские анархисты торговали на базарах табаком и брошюрами князя Кропоткина, не включаясь по-настоящему в кипучую жизнь страны. Телеграмма из Гуляй-Поля поставила точки над "й". "Тогда же, весной 1917 года, вполне самостоятельной единицей стало Гуляй-Поле, в котором прочно засел вернувшийся с каторги Нестор Махно, окруживший себя в селе несколькими десятками таких же уголовных каторжан" - пишет буржуазный журналист З.Ю.Арбатов. Работой Махно стало создание "вольных коммун", о которых мечтал его учитель П.А.Кропоткин. Несмотря на трудности чрезвычайные: Россия в войне, враждебность богачей, косность бедноты, недостаток средств, впервые без вмешательства чиновников, назначаемых государством, "вольные коммуны" были созданы на русском черноземе. Зачинщиками коммун стали демобилизованные солдаты, матросы, батраки, "идейные анархисты", Борис Веретельник, Лев Коган, Яков Шнайдер, Чубенко, Гринбаум, Чернокушник, Нестор Махно с братьями. В "Вольной коммуне №1", осевшей в панском имении Покровское, Махно работал слесарем. Особенность "вольных коммун" заключалась в том, что они не были специализированными сельскохозяйственными, ремесленными или артистическими, а являлись самостоятельными центрами управления, производства, не зависимыми от самозванных правительств. Это восхитительное и безумное предприятие задушили на корню. Первыми пришли немцы. 27 декабря 1917 года пал Екатеринослав. Эшелоны с украинским хлебом и свининой потянулись на запад, в Берлин. Нестор Махно писал в автобиографии: "Я боялся взяться за дело, связанное с войной". А пришлось! "Федерация Анархистов Екатеринослава отпустила нам несколько ящиков винтовок. Погрузив это оружие в поезд, мы с ним приехали в Гуляй-Поле". Махно возглавил "Комитет защиты революции" и совместно с легендарной анархисткой Марусей Никифоровой отбивался от нападающих со всех сторон врагов. Через Кичкасский мост на Днепре рвались "по домам" дезертиры Русской Армии, от солдат до генералов. Немцы с подручными гетмана Скоропадского растоптали большевиков, самостийников, анархистов, монархистов и целиком прикарманили Украину. Остатки "вольных коммун" потянулись на юг. В Таганроге, в невообразимой сутолоке бегущих, большевики попытались расстрелять Марусю Никифорову и командира бронепоезда Гарина, воевавших под Черными Знаменами. Анархисты их отбили. "Отряд анархиста Марии Никифоровой мне хорошо известен - телеграфировал в Таганрог главнокомандующих войск Антонов-Овсеенко - вместо того, чтобы заниматься разоружением таких революционных боевых единиц, я советовал бы заняться созданием их".

Нестор Махно, Гриша Василевский, Любимов, Борис Веретельник, Семен Каретник, сопровождая эшелоны "коммунаров", двинулись на Ростов. На Дону шалили казаки. "На Руси нет никакой власти" - говорил атаман Каледин. "Надо соединиться в один Юго-Восточный Союз и в виде подковы окружить Европейскую Россию" - докладывал казакам генерал Богаевский. "Русская государственность будет создаваться здесь" - заявил генерал Алексеев в газете "Вольный Дон".

На украинских съездах кричали: "Хай живе вільна Україна без жидів і кацапов!".

Бегство Махно весной 1918 года походило на разведку боем. Бывший каторжник, в свои 28 лет, он впервые открывал замечательные города: Астрахань, Царицын, Саратов, Тамбов, чтобы замкнуть круг Москвой. Федерация анархистов Москвы была разгромлена. Махно искал встречи со своим кумиром Петром Алексеевичем Кропоткиным. Она состоялась. Махно тащил престарелого вожжа мирового анархизма в Гуляй-Поле. Старик отказался с напутствием: "Вы редкий на Руси человек, берегите

себя!". Забегая вперед, добавим, что Махно содержал семью Кропоткина до 1921 года (год смерти П.К. и уход Н.М. в Румынию).

От безнадёжного старика Махно поплелся в Кремль, к Ленину. Пропуск в Кремль ему сделал Яков Свердлов. Разговор с вождем большевиков был длинным и поучительным. Ленин очаровал Махно. Махно предлагали остаться в Москве, но он рвался драться с немцами. 29 июня, напялив черную шляпу и спрятав наган, Махно выехал в битком набитом мешочниками поезде на Украину, в Гуляй-Поле. На границе, у Курска явились немецкие патрули. "Я быстро передал Когану (попутчику) свой чемодан с вещами, сказал ему, кому его передать в Гуляй-Поле, а сам, накинув на себя плащ, вышел из вагона и скрылся в зарослях." - вспоминает Нестор Иванович. Сначала Махно скрывался в деревне Туркенева, у дяди Исидора Передерия. Там он узнал о зверской расправе немцев над братом Емельяном и всей его семьей. Инвалид японской войны Савва Махно сидел в тюрьме. Хибара в Гуляй-Поле сожжена, мать ночует по чужим квартирам.

22 сентября 1918 года Махно сел на "тачанку" с кучкой вооруженных соратников. Началась знаменитая партизанская война, прославившая его на веки. Как замечательно пишет Бабель: "Возы с сеном, построившись в боевом порядке, овладевают городами". И - "армия из тачанок обладает неслыханной маневренной способностью". 29 сентября, на общем сборище партизан, совместно с отрядом матроса Федора Щуся, 29-летний Махно был провозглашен "Батько" (древний, казачий чин старейшего).

После панического отступления немецкой армии Махно ударил по "самостийникам" Семена Петлюры, разделав их под орех. 27 декабря 1918 года 600 махновцев, переодевшись в крестьян, взяли полумиллионный город Екатеринослав.

Расправа ожидала тех, кто запачкался предательством "трудового крестьянства и рабочих масс". У себя в Гуляй-Поле Махно не бил всех без разбору. "Я возражал против казни Тарановского, потому что он сдал по требованию штаба заговорщиков дежурство по гарнизону и практически не принимал участия в карательных мерах. Против убийства взводного Леймонского, Сопляка и Закарлюка я не возражал. Это были предатели и преступники... Что касается артиллериста Василия Шаровского, то он не поддержал мятежников. Он снял с орудий прицелы и панорамы, и с этим мы очень считались. Кроме того, я имел в виду использовать его знания артиллерии в намеченном восстании," - вспоминает сам Махно. "Каратели" и "мятежники" (по Махно) это люди, принимавшие участие в истреблении "вольных коммун".

3 января 1919 года партизанский отряд Батьки Махно в полторы тысячи штыков и сабель превратил революцию в "махновщину" - народное движение, охватившее округ в два миллиона жителей. 1 съезд "махновщины", организованный Виктором Белашем и Головкой, объявил делегатам волостей, что область очищена от захватчиков и предателей, пора браться за плуг и начинать сев. Для охраны посевной компании съезд выделил 30 тысяч добровольцев, готовых сражаться на четырех фронтах протяжением в 600 верст, против "белых" на юге, против "самостийников" на западе, против "красных" на севере и на востоке.

Небылицы о "махновщине" просочились в Москву. Осторожно нащупывая ход к Махно, главнокомандующий Украинской красной армии Антонов-Овсеенко, премьер Раковский, пригласили махновцев в Харьков. Депутацию встречали с духовым оркестром и речами. Попытка склонить Махно к революционному походу в Венгрию ни к чему не привела. Повстанческая армия Батьки Махно не выходила из непрерывных боев на юге, против "белогвардейцев" генерала Боровского и полковника Слащева. Белая Армия, зажатая в бесхлебном Крыму, не прочь была хапнуть украинский урожай. Махновцы били ее по зубам. По правую руку от ПАМ (Повстанческая Армия Махно), в низовьях Днепра околачивалась "Вторая Украинская Красная Армия" под водительством товарища Скачко, не принимавшая участия в боях. В Одесском округе воевал атаман Григорьев, удачно выбивая Антанту с русской земли.

Отказавшись от "венгерского плана", Москва и лично т. Троцкий решили обуздать "махновщину" при посредстве комиссаров, подчинив ее непосредственно ЦК РКПб. Во что бы то ни стало надо было изолировать Махно, анархистов "Набата" во главе со Всеволодом Волиным, анархистом с петроградских времен 1905 года, ставивших большевикам палки в колеса, а главное, получить хорошо организованную армию на тачанках, 30 тысяч бойцов и 70 тысяч резервистов, готовых встать в строй.

Еще не зная о кознях Троцкого, Махно загрузил сто вагонов пшеницей и отправил подарок в Москву голодающему пролетариату. В страну меда и молока потянулись отборные комиссары под водительством члена "политбюро" Льва Каменева. Каменев завернул в "Махноград" (Гуляй-Поле) в начале мая, со всей оравой "харьковского правительства". Совершенно обалдевший от приема, от образцового порядка "вольных коммун" и воинских частей ПАМ, он робко попытался уломать ВРС (Военно-Революционный Совет) и Махно подчиниться Москве. ВРС готов был взять комиссаров в армию с условием обеспечения резервистов оружием.

Однако махновцы не получили от Москвы ни одного патрона! Мало того, Каменев прислал телеграмму: "Гуляй-Поле, Батьке Махно по нахождению. Изменник Григорьев предал фронт. Не исполнив боевого приказа, он повернул оружие. Подошел решительный час - или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или на деле откроете фронт врагам. Колебаниям нет места. Немедленно сообщите расположение ваших войск и выпустите воззвание против Григорьева, сообщив мне копию в Харьков. Неполучение ответа буду считать объявлением войны. Верю в честь революционеров, вашу, Аршинова, Веретельника и др." Каменев, № 277. Совершенно нетерпимая по духу телеграмма настигла Махно в Бердянске, где было очень горячо. 14 мая Азовская флотилия под Андреевским флагом бомбардировала порт. С Дона на рысях шла конница генерала Шкуро. Хорошо вооруженные кубанцы разбросали пехоту Махно в местечке Гришине и пошли гулять по тылам "махновщины". Нанося короткие удары, с необыкновенным искусством лавируя в незащищенном пространстве, погромщики Шкуро ворвались в Гуляй-Поле и устроили небывалую резню. Полк самообороны Бориса Веретельника был вырезан целиком. Погиб командир батареи Абрам Шнайдер. За сутки кровавой работы "шкуровцы" успели изнасиловать 800 евреек Гуляй-Поля, вспороть им животы и набросать туда дохлых кошек. Все было предано огню и грабежу. "Белая Армия была пропитана антисемитизмом сверху до низу, от генеральской верхушки до солдат" - вспоминал позднее ее "главковерх" Антон Деникин. В любопытных воспоминаниях генерала Шкуро говорится: "Я постоянно твердил казакам, что не тот жид, кто еврей, а тот, кто грабит людей." И - далее, признание: "... прямые потомки запорожцев, левобережные "хохлы" гордились своим прозвищем "казаки" и мечтали о восстановлении Запорожского казачества. Больше всего симпатизировали, однако, крестьяне Батьке Махно".

Белая Армия шла широким фронтом. Около станции Большой Токмак Махно сконцентрировал наиболее сильные отряды, греческие и еврейские полки, которые славились ненавистью к "белым" и дисциплиной. Семь дней, с 11 по 18 июня 1919 года, шла кровопролитная битва, где победили "белые". В разгар боев в штаб ПАМ, ст. Синельниково, прилетел "приказ номер 1824" от 4 июня 1919 г., за подписью Троцкого, где, между прочим, говорилось: "... схватить виновника всех бед Махно, членов его штаба, культурных работников движения и предать суду Ревтрибунала!". Луганский слесарь Клим Ворошилов назначался командиром ПАМ, переименованной в "14 Красную Армию", одним росчерком пера.

Бронепоезд нового командира не спеша спускался в Синельниково, когда ему перерезал путь отряд шкуровцев. Казаки развели рельсы и полезли на бронепоезд, как вдруг налетели как вихрь тачанки Махно. Как побитая собака, Клим Ворошилов вылез из бронепоезда, принял от Махно рапорт о сдаче армии, а того и след простыл. Потрепанная армия Махно отходила к Днепру, на правый берег. В тот же день офицерская пехота генерала Шифнер-Маркевича маршировала по улицам Екатеринослава. Не встречая сопротивления, Белая Армия продвигалась к Москве, а в ее тылу творилось нечто невообразимое. "Кропоткинский полк" в 250 сабель, отборная

гвардия Махно, проскочил Кичкасский мост у Александровска и врезался в районы, где безумствовал атаман Григорьев.

Нестор Махно знал - куда! Знал - зачем! "Долой атаманов-provokatorov!" 21 июля 1919 года Нестор Махно вошел в штаб-квартиру бывшего штаб-капитана Русской Армии Григорьева и, не моргнув глазом, всадил ему пулю в лоб. Штаб атамана-погромщика был перебит на месте. Троцкий обещал за голову атамана 500 тысяч червонцев. Махно казнил его бесплатно во имя "мировой социальной революции" и примкнувшим "григорьевцам" выдал Черное Знамя Анархии. Через неделю лавина повстанцев катилась к Южному Бугу, где Махно поджидал комбриг ПАМ Калашников. Базы снабжения и лазареты осторожно подтягивались к ст. Помошная. Огромный обоз обездоленных и разоренных коммунаров Гуляй-Поля путался в ногах.

30 июля генерал Шиллинг (341 армейский корпус Белой Армии) получил приказ Ставки во что бы то ни стало овладеть Новороссией. Семен Петлюра, бросая в пыль французские ружья, спрятался в Галиции. Генштаб "красного фельдфебеля" Троцкого застрял в Серпухове. Агент Махно, комбриг Красной Армии (бывшая ПАМ) Алексей Калашников бросил клич: "Смерть комиссарам! Смерть изменникам! Батько Махно поведет нас в наступление!". "Они дождались своего часа" - вспоминает бывший анархист, позднее большевик и министр Дыбец. В селе Добровеличка Махно встретил свою армию, 12 тысяч бойцов, готовых умереть за свободу. "Великий обоз" (15 тыс. "14 Красной Армии", 1500 сабель отряда Махно, 10 тыс. беженцев, больных, раненых, тифозных), зажатый Белой Армией под Уманью (генерал Розенфельд-Паулин с Днестра, генерал Бредов с Херсона, генерал Слащев с Днепра) ждала незавидная участь. О битве под Уманью достаточно много писали западные историки "махновщины". Получилось так, что партизаны Махно, зажатые клещами отборных офицерских полков, вышли из окружения и так ударили офицерам под зад, что те побежали сломя голову. В работу вступила махновская конница и перерезала всех до одного.

Советские историки бесстыдно замалчивают знаменитую битву 22 сентября 1919 года, сломавшую ход гражданской войны. Белая Армия Деникина квартировала в Орле, распределяя министерские кресла в Кремле, а бесславный ее конец был определен в деревне Перегоновка, под Уманью на Украине. "Махновщина" распоролла брюхо и выпустила потроха Белой Армии. Продвигаться в таком положении Деникин не мог и сдался.

Осенью 19-го года начались фантастические по скорости и бесстрашию рейды Махно по тылам Белой Армии. Развернув повстанчество в трехкорпусной состав: 1 Донецкий корпус - командир Алексей Калашников, 2 Днепроvский корпус - командир Платонов-Петренко, 3 Азовский корпус - командир Петр Гавриленко, Махно буквально разносил в пух и прах важнейшие скопления и базы противника. "Обладая исключительной способностью легкого и быстрого передвижения, имея провиант в любом селе, а пулеметы, войска и патроны на тачанках, Махно в течение одного дня совершал нападения в различных концах губернии, нередко отстоящих друг от друга на расстоянии ста верст" - вспоминает в эмиграции журналист Арбатов. Начальник "ОСВАГ" (разведка Белой Армии) г-н Соколов пишет: "Особое значение приобрело движение Махно. В первой половине октября я приехал в Таганрог к Главкому по спешному делу. Генерал Деникин мог меня принять только вечером, и я провел день в городе. Всюду царила паника. Говорили, что отряды Махно занимают Мариуполь, и что махновцы находятся в 80 верстах от Таганрога. Сил, которые можно было бы им противопоставить, почти нет. Вызванные с фронта кубанцы никак не могут доехать. Ставка находится под явной угрозой. Махновцы были отбиты от Таганрога, и паника перекинуvшаяся в Ростов, улеглась. Но "махновщина" продолжалась..." Конечно, самым безумным по смелости был захват губернского города Екатеринослава. Махно умел крылато выражаться: "Город раскатать в шахматном порядке!". Повсюду говорили: "Идет Батько Махно и несет Свободу!". 14 октября 1919 года главные силы Махно осадили -город. Разметав дивизию генерала Слащева, махновцы, размахивая Черными Знаменами, стройными рядами вошли в затихший Екатеринослав. Губернатор Щетинин бежал. В ту же ночь махновцы открыли тюрьмы, уничтожили все архивы и вообще все

бумаги в учреждениях города. "Жуткая сказка средневековья! - восклицает журналист Арбатов. - Под аккомпанемент этой смертоносной музыки махновцы обходили квартиры чиновников и военных, убивая случайно попадавшихся там хозяев и вынося из квартир все, что можно было вынести".

Нестор Махно сурово наказывал воров, присвоивших народные капиталы. Прославленный комбриг ПАМа Пашкевич был публично расстрелян за растрату армейских денег на личные удовольствия. Начальник штаба 2-й Бригады Богданов расстрелян за наложенную на буржуазию в личных целях контрибуцию. Список можно продолжить, но он будет гораздо короче подобных же "красных" и "белых" списков.

В городе зашевелились политики и идеологи. "Предоставляя всем политическим партиям и организациям полную свободу распространения своих идей, армия повстанцев-махновцев в то же время предупреждает, что подготовка и навязывание трудовому народу политической власти, ничего общего не имеющей со свободой распространения своих идей революционным повстанчеством, ни в коем случае допущены не будут" - оповещала газета "махновщины" "Путь к Свободе" от 5 ноября 1919 г. В тот же месяц Нестора Махно свалил тиф. Попытка начдива "стальной" дивизии ПАМ Полонского взять власть над повстанчеством закончилась расстрелом. "Разведка" ПАМ - бывший эсер Попов и анархист Лев Зеньковский (Лева Задов) поймали мятежного начдива на тайной встрече с чекистом. "Бесстрашный командир, герой, организатор, хороший товарищ", по характеристике Нестора Махно, был беспощадно казнен 5 ноября 1919 года. Любопытный факт "махновщины" - в то время как тифозный вожак отлеживался в глуши, "затяжные бои с Махно продолжались до середины декабря, то есть до начала общего отступления Белой Армии за Дон и в Крым" - писал Деникин.

Военно-революционный Совет (ВРС) ПАМ возглавлял, вместо убитого под Уманью Чернокнижника, Виктор Белаш, "великолепный военный стратег, разрабатывавший все планы движения армии и за них ответственный", по свидетельству члена ВРС Петра Аршинова-Марина. (В сентябре 1921 года Белаш вернулся из-за границы в Советскую Россию по амнистии, а в 1923 году был расстрелян ВЧК, написав в тюрьме короткие мемуары о "махновщине").

19 декабря в освобожденный Екатеринослав, на готовенькое, вошла Красная Армия Троцкого. Свидетель эпохи Царапкина вспоминает: "Вдруг прибывают парламентареры от Махно с сообщением, что его армия сдается. Это была большая моральная и политическая победа. Срочно по проводу я сообщаю об этом в штаб Красной Армии, уже вступившей в Донбасс. Выделяем группу для приема махновских отрядов. И вдруг! Вместо здоровых людей в город привозят на подводах несколько тысяч тифозных больных!..". Сам Ленин говорил: "Или вошь победит социализм, или социализм победит вошь!". Лев Троцкий за год не поумнел и не исправился. Он приказал тифозной армии Махно двинуться на "польский фронт"! Никто не двинулся. В середине сурового января 1920 г. ПАМ снова была объявлена соввластью "вне закона". 10 января "особые части" КА приступили к разоружению тифозной ПАМ. Из Гуляй-Поля с верным "Кропоткинским полком" под командованием Федора Щуся руководители "махновщины" скрылись в неизвестном направлении. В "Махноград" вошли Латышская дивизия и Части Особого Назначения (ЧОН), непосредственно подчиненные Феликсу Дзержинскому. Началась дикая расправа над мирным населением уезда. Типография анархистов "Набат" была разгромлена, рабочие перебиты. "Вольные коммуны" закрыты, хлеб взят, однако, поймать самого Махно им не удалось. "Я не хотел бы вернуться в Москву раньше, чем мы обезвредим Махно, - писал Ф.Д. жене. - Мне трудно с ним справиться, ибо он действует конницей, а у меня нет кавалерии. Если бы, однако, удалось его разгромить, то я приехал бы в Москву на несколько дней...". "Военные победы" Дзержинского были многочисленны: зверское убийство инвалида японской войны Саввы Махно с женой и детьми; под пыткой китайских палачей комбриг Березовский, прикрывавший Гуляй-Поле, сломался и стал агентом ВЧК; престарелого анархиста Петра Лепетченко, участника "налетов" 1907 г., задушили в постели; коменданта села Гаркушу посадили на штакетник, где он и скончался; казначея бригады Середу утопили в расплавленном

железе; с рядовых махновцев китайцы сняли скальпы и табуном погнали в Донбасс чистить затопленные шахты. "Опьяненные убийствами, чекисты заставляли матерей брать на руки грудных детей и затем общим залпом уничтожали их!" - вспоминает Аршинов-Марин, спасшийся чудом в лесах.

Месть настигла палачей на месте преступления. Махно сел на коня под Ногайском, на берегу Азовского моря. Через сутки первый чекист упал на телефон, расплескав сизый мозг. 80 отборных чекистов во главе с Яшкой Щекотихиным, проколотых штыками выставили напоказ. В тот же день глава украинского ВЧК Манцев получил ответный подарок. "Повстанческое движение в районе Екатеринославской губернии с весны 1920 года разрасталось, представляя значительную угрозу ближайшему тылу 13 Красной Армии. Красное командование было настолько обеспокоено этим, что одно время вынуждено было задержать в этом районе следовавшую на польский фронт Конную Армию товарища Буденного..." - вспоминает генерал Врангель, вступивший в командование Белой Армией. Махно и Буденный впервые понюхали друг друга под Купянском. При первом соприкосновении, 5 мая 20 года, конная бригада вышла из подчинения Буденного и слилась с махновцами. Опасаясь полного разложения войск, Буденный погнал оставшихся на Варшаву. Командир донецкого отряда ПАМ Алексей Калашников, главный организатор мятежа 14 Красной Армии на Буге, в походе был сражен предательским снарядом, пущенным с "красного" бронепоезда. В то время, как Ленин требовал от Троцкого "усиления военных мер к полному уничтожению Махно", Донецкий отряд, пополнившись "буденновцами", продвигался в Таврию, где зашевелился барон Врангель. 13 мая Врангель обратился к махновцам, оседлавшим города Приазовья, с призывом к "священной войне против большевиков". Положительного ответа не последовало.

До майского наступления Врангеля Москва лихорадочно торговалась с Антантой. 17 апреля 1920 г. лорд Керзон просил наркома Чичерина снять осаду Крыма в обмен на "вечный мир" плюс освобождение венгерских мятежников Белы Куна, интернированных в Австрии. Сделка состоялась, о чем у Ленина читаем: "Мы ответили, что готовы даровать жизнь крымским "белогвардейцам", если, со своей стороны, Антанта проявит гуманность по отношению к побежденным венгерским коммунистам, пропустив их в Советскую Россию".

Большевики мечтали о "мировой революции" и, воспользовавшись глупой вылазкой Пилсудского, двинули на Польшу огромную армию во главе с лучшими "красными" генералами. Революции в Польше не получилось. Пилсудский, подняв знамя "национальной войны", в пух и прах расколошматил Красную Армию знаменитого Тухачевского. Он пленил 200 тысяч красноармейцев и боевых коней. Барон Врангель под шумок вылез из "крымской бутылки" в богатые зерновые районы Таврии. Он, в буквальном смысле, разогнал пограничные войска "красных", утопил в болотах Волновахи конный корпус Жлобы, прибывший с Дона, и 1 сентября 1920 г. взял Александровск на Днепре, стратегический центр "махновщины". Где Нестор Махно? Где ПАМ?. В задачу "махновщины" не входила лобовая встреча с противником. Махно берег людей! Восемь месяцев подряд, от января до сентября, республика на тачанках рейдировала по огромному пространству Украины и Южной России, атакуя гарнизоны Врангеля и уничтожая карательные отряды ВЧК. В сентябре, измученная непрерывными боями, ПАМ приводила себя в порядок в районе Старобельска на Харьковщине.

Приказом Москвы от 21 сентября 1920 г. М.В.Фрунзе назначался Главкомом Южного Фронта, с указанием "временно войти в контакт с Махно, а потом под замок" (Ленин). В город Старобельск, где стояли махновцы, привалила большевистская депутация во главе с Белой Куном, депортированным венгром с задатками людоеда. Махновский штаб приготовил гостям большой сюрприз - "военно-политическое соглашение" с Москвой, настоящий дипломатический шедевр "махновщины". Политическую часть этого соглашения приводим целиком:

1) Немедленное освобождение и прекращение преследований в дальнейшем на территориях советских республик всех махновцев и анархистов, за исключением вооруженно выступающих против советского правительства.

2) Полнейшая свобода агитации и пропаганды, как устно, так и печатно, махновцам и анархистам своих идей и пониманий, без призыва к насильственному ниспровержению советского правительства, и с соблюдением военной цензуры. В деле изданий махновцы и анархисты как революционные организации, признанные советской властью, пользуются техническим аппаратом совгосударства, подчиняясь правилам техники издания.

3) Свободное участие в выборах Советов, право махновцев и анархистов вхождения в таковые, и свободное участие в подготовке созыва очередного Пятого Всеукраинского Съезда Советов, имеющего быть в декабре сего 1920 года.

Уполномоченные ВРС ПАМ - Попов, Куриленко.

Скрепя сердце, правительство Украины и Фрунзе подмахнули этот документ и спрятали его под сукно! В печати появилось лишь военное соглашение, где говорилось, что ПАМ входит в оперативное подчинение Красной Армии! "Да, Махно временный и ненадежный союзник - сказал на совещании Фрунзе, - но мы идем на соглашение с ним, чтобы обеспечить себе тыл". "Такова точка зрения и Владимира Ильича" - пишет в своих воспоминаниях Семен Буденный. Чекистка Елизавета Драбкина, прикомандированная в генштаб М.В.Фрунзе, вспоминает: "Наши стратеги за самоваром решали генеральное наступление: тарелка изображала Каховский плацдарм, арбузная корка Арабатскую стрелку, куски сахару - ударные группы войск, ломтик хлеба - Перекоп, ножи, вилки, ложки - направления ударов".

В эпоху братания с большевиками из тюрем выпустили: члена ВРС Всеволода Волина-Эйхенбаума, Петра Аршинова-Марина, Якова Суховольского "Алого", Петра Гавриленко, выдающегося революционного и военного руководителя, по словам А.М.Богуша, анархиста из Америки, Иосифа Гетмана, члена "культпросвета ПАМ".

15 октября 1920 г. началось общее наступление Красной Армии по всему "Южному фронту". Повстанческую Армию Махновщины возглавил Семен Каретник, гуляйпольский батрак, анархист с 1907 г., с 1918 г. не выходивший из непрерывных боев. Кавалерия ПАМ вошла в подчинение Алексея Марченко, тоже гуляйпольского батрака, анархиста с 1907 г. Политическое руководство ПАМ осуществлялось анархистом Петром Рыбиным, эмигрантом из Америки, "самородковый, из низов вышедший организатор и теоретик рабочего движения" (по мнению П.Аршинова), осенью 20 г. порвавший с большевизмом и примкнувший к "махновщине". Погубив десятки тысяч солдат в гнилом Сиваше и под пушками Перекопа, Фрунзе взял Крым, и барон Врангель, усадив 150 000 беженцев на пароходы, отчалил в Константинополь. В середине ноября "махновщина", кричавшая "Даешь Врангеля!", очутилась в Крыму, зажата отборными частями Красной Армии. Фрунзе имел на руках телеграмму Ленина: "Всех анархистов арестовать, обвинив их в контрреволюционных преступлениях!". 26 ноября 20 г. штаб Семена Каретника в Симферополе был окружен и уничтожен. Кавалерия Алексея Марченко, теряя лучших бойцов, вырвалась из "крымской бутылки". Депутация ПАМ в Харьков с Д.И.Поповым, Василием Куриленко, Будановым и вся конфедерация "Набата" были арестованы. Латышская дивизия, постоянно квартировавшая в Гуляй-Поле, атаковала штаб Нестора Махно в деревне Туркеневка. С раздробленной ногой Махно вывезли на тачанке в греческое местечко Керменчик. Из Крыма пробился отряд Кравченко числом в 250 сабель. "Батько, теперь ты знаешь, что такое большевики! - сказал изрубленный Марченко и горько заревел.

Диктатор Украины М.В.Фрунзе приказывал: "Всех пеших и конных махновцев расстреливать на месте пленения. Большая сеть губернии находится в сфере действий и влияния махновцев. Таково положение в районе Гуляйпольском, Ореховском и почти

по всему Александровскому уезду, где рассыпаны штабы Махно. Эти штабы рассылают агитаторов, разгоняют ревкомы, организуя вместо них Вольные Советы, запрещают населению исполнять "продразверстку" и снабжать красные части, вербуют добровольцев в партизанские отряды..."

Генерал Белой Армии Данилов, перешедший в Красную Армию, вспоминает: "Части его (Махно), рассыпанные по Таврии и Екатеринославщине, по его зову спешили к нему".

Началась лютая зима 1921 г. Повсюду свирепствовали тиф и голод. На поимку неуловимого Махно Фрунзе выбросил 150 тыс. красноармейцев, в то время как Махно решил "пойти на Харьков и разогнать земных владык" (автобиография). Для начала он атаковал Бердянск, где скопились эшелоны с хлебом. 5 декабря тачанки Фомы Кожина с лету опрокинули 30-ю Сибирскую дивизию, перебили китайцев, охранявших город, взорвали здание тюрьмы, погрузили оружие и вечером оставили город. 7 декабря они овладели Гуляй-Подем, а 13 уже были в Александровске. 2-я Конная армия Миронова разбежалась. Соединившись с отрядами Бибика под Полтавой и отрядами Огаркина под Изюмом, что составило 5 тыс. бойцов, Махно повел их на Харьков. С такими силами взять большой город Махно не мог, но переполох был такой, что правительство срочно грузилось в вагоны для бегства в Курск! 6 февраля 1921 г. Ленин внушал: "Наше военное командование позорно провалилось, выпустив Махно, несмотря на гигантский перевес сил и строжайшие приказы поймать!"

В то время как харьковское правительство приходило в себя, Махно погрузил армию в поезда и атаковал Александровск, где освободил 4 тысячи заключенных "трудовой армии". В середине марта на Махно бросили шесть эшелонов кронштадтских матросов. При подходе к Мелитополю эшелоны были окружены махновцами и уничтожены. В конце марта махновцы ворвались в Миргород, где чуть не попался сам Фрунзе. Он убежал, подстреленный пулей махновца.

Однако ряды выдающихся махновцев таяли. Командир Азовской армии Вдовиченко был ранен под Миргородом. Его отправили на лечение в село Новоспасовку, где он попал в руки карателей ВЧК. Его страшно мучили, заставляя отречься от "махновщины", подписав какую-то бумагу. Вдовиченко с презрением отверг это и был убит. Командир кавалерийского полка Григорий Траян погиб под Изюмом. "Пуля сразила его наповал. Рядом с ним пали и Апполон Волох и 30 других верных товарищей" - вспоминал Махно. Герой Крыма Алексей Марченко убит на Полтавщине.

За Махно гонялся и легендарный партизан Бессарабии Гриша Котовский. "Я гнался за Махно целый месяц, и никакого толку, - вспоминал Котовский, - они отлично знают местность и среду, где оперируют". 18 мая 1921 г. 1-ю Конную армию Семена Буденного погнали на "махновщину" из Екатеринослава. Сам Буденный с конной дивизией подошел к местечку Стременное и был встречен дружным огнем махновцев. "Семен Буденный бросил своих соратников и, как гнусный трус, обратился в бегство" (Махно). В сабельном бою погиб Федор Щусь, партизан первого часа, личный друг Махно, бывший матрос с Балтики. Махновцы проскочили в тыл Конармии Буденного и застали врасплох штаб 14 кавдивизии. Начдива Пархоменко прошили пулями. Начштаба Мурзин и комиссар Беленков лишились всех членов и, истекая кровью; скончались у ног Маслака, буденновского комбрига, перешедшего к Махно. Конармейцы бросали оружие, тонули в Днепре и сотнями сдавались в плен.

В мае месяце на Махно бросили Феликса Дзержинского. Обложившись штыками ВЧК, Ф.Д., по иронии судьбы, спускался по Днепру на корабле под названием "Нестор Летописец". В Александровске на пароход привели красавицу по имени Эльза Грутман, заявившую, что она деятельный работник "культпросвета" махновцев. Красавица выдала все, что знала, и получила от "товарища Юзефа" номер "39" и задание убить Махно по нахождению. В Херсоне ее спустили на берег с подводой и кучером. Под Мелитополем ее выловил Лев Зеньковский ("Задов") с "разведкой" ПАМ - Миша Левчик, Аба Гордин и Яшка Воробьев, брянский анархист из отряда Огаркина. Рассказням Эльзы не поверили, но выпустили ее на волю с приглядкой. В Павлограде, за триста верст от

Мариуполя, Эльза вошла в никому не известный дом и заночевала, там она и была поймана.

В Нестора Махно не раз бросали бомбы подосланные шпики ВЧК, но на сей раз "разведка" накрыла целое гнездо агентов и предателей, готовивших убийство вожака повстанчества. Махно сам явился на их допрос. "Умел предать, умей и умереть!" - были его последние слова. Гнездо "кремлевско-лубянской жандармерии" вырезали. "Все лето мы не выходили из боев" - вспоминает о том времени Нестор Махно. На долю "красного" генерала Виталия Марковича Примака-Примакова выпало больше всего государственных наград. Его армии "червоного казачества" поручили поимку Махно на правом берегу Днепра.

Перед тем, как перебраться навсегда в Румынию, Батько Махно направил Особую Донскую группу под водительством Маслака и Бровы на Дон, откуда они были родом. Группа Иваняка ушла под Харьков. Пулеметные тачанки Фомы Кожина оставались на Черниговщине. Огаркин с отрядом откочевал к Орлу. Бибик вернулся на Полтавщину. Виктор Белаш оставался с Азовской группой у Таганрога. "13 августа с сотней кавалеристов я взял направление к Днепру и в районе Кременчуга пересек реку. В тот же день был шесть раз ранен, но не тяжело..." - говорит Махно. 19 августа махновский отряд соединился с отрядом Тарановского (150 сабель) и вступил в бой с "червонцами" Примакова. Бой был жарким. Захватив 13 пулеметов противника, махновцы лихим галопом прошли сто верст, отбиваясь от бесчисленных заграждений войск ВЧК. В тот рейд погибло 17 лучших бойцов и среди них бесстрашный Ефим Тарановский, гуляйпольский еврей, командир конного полка и последний из начштаба ПАМ. Из Подолии "я делаю изменение маршрута" в Бесарабию. 26 августа гибнут Платонов, Чубенко, Данилов, Василевский, Иванюк - цвет "махновщины"! "Я лежал без чувств на тачанке, охраняемый и доглядываемый Львом Зеньковским" - вспоминает Махно. 28 августа отряд Махно пересек Днестр у деревни Монастырка и вошел в Румынию.

30 августа одна из румынских газет сообщала, что насквозь прошитый пулями (12 ран), с перебитой ногой и контузией, воспользовавшись мелководьем Днестра, "атаман Махно" и 77 его сообщников пришли в Румынию и сложили оружие. Через две недели Россия (нарком Чичерин) и Украина (Раковский) потребовали выдачи Махно.

"Известный бандит Махно перешел границу с шайкой своих приверженцев, ища убежища на территории, которая фактически находится под властью Румынии. Этот разбойник, в качестве главаря преступных банд, совершил на территории Советской России и Украины бесчисленные преступления, сжигая и разграбляя деревни, избивая мирное население и пытками вымогая у него имущество. Ввиду этого Российское и Украинское правительства обращаются к Румынскому правительству с формальной просьбой выдать им как обыкновенных уголовных преступников упомянутого главаря шайки с его соучастниками". Обмен нотами и торг продолжались полгода. Румыны Махно не выдавали. Жизнь в лагерных бараках, где кишели вши, раненые без лекарств и перевязок, с кукурузной похлебкой на обед, ломала психику интернированных. 30 командиров ПАМ, среди которых был Василий Шаровский, бессменный командир артиллерии, друг Махно, родом гуляйполец, член ВРС Зверев, электротехник Пахарь, начальник связи Полено, комполка Фома Каретник, сдались на милость победителей. 2443 рядовых махновца с тяжело раненым Виктором Белашом были взяты на Украине.

Присутствие Махно с кучкой приближенных, с которыми румыны не знали как поступить, мешало нормальным связям с Москвой. Москва же делала все возможное, чтоб утопить "махновщину" в грязи идеологически. Ренегат Исак Тапер, по заказу ВЧК, написал памфлет под названием: "Анархист в ногах румынского короля"! Весной 1921 г., после восьми месяцев заключения в лагерях, румыны организовали побег Махно и четверем его сообщникам - Якову Домашенко, Кумаре, Шнарыйму и Галине Андреевне Кузьменко, жене "бандита". К беглецам пристал некто Адольф Красновский, впоследствии сыгравший роль провокатора.

22 апреля польские жандармы доставили перебежчиков в лагерь. Польша 20-х годов жила как на пороховой бочке. Страна обнищала от войны, в "сейме" дрались на кулаках, "черный рынок" достиг размеров необозримых, миллионы разоренных крестьян убегали в Америку, белорусы и украинцы точили ножи на панов, польские коммунисты готовили восстание, под ногами молодой республики топтался Семен Петлюра со своим "табором", Борис Савинков плел паутину заговоров, по улицам разгуливали чекисты. Москва не оставляла идеи разжечь гражданскую войну в Польше. Убегая от кровожадных коммунистов, русский православный народ умудрялся утащить за собой целые картинные галереи, чемоданы золота и чековые книжки швейцарских банков. "Бандит" Махно, бравший поезда с царскими богатствами, приехал в Европу в рваной гимнастерке и без гроша в кармане. Деньги на пропитание он получал от американских анархистов. В Польской сваре 20-х гг. Махно представлял собою козырную карту для всех враждующих сторон. Как говорил Дзержинский: "Заложник - это капитал для обмена". Первыми пришли "петлюровцы". Жена Галина Андреевна и друзья Махно клюнули на удочку. Г.А. очень хотелось сделать "что-то значительное для Украины". Махно решительно отклонил предложение Семена Петлюры стать под "желто-блакитное" знамя и выступить в поход. Потом пришли коммунисты. Их план был прост и ядовит - оттяпать у Поляков Галицию (только Махно способен поднять людей на восстание). Зная по горькому опыту, что значат "соглашения" с коммунистами, Махно отклонил и этот план. Взбесившись, они подстроили ловушку, смысл которой сводился к одному - суд и выдача Махно Москве. При обыске в бараке у Адольфа Красновского, словно привинченного к Махно, обнаружили фальшивое "соглашение" о сделке с Москвой.

2 августа 1922 г. Махно и его сообщники были арестованы "Дефенсивой" (секретная разведка польской армии) и брошены в знаменитую тюрьму Мокотов, где в свое время отдувался "товарищ Юзеф" - Дзержинский. В тюрьме у Махно возобновилась чахотка, занесли свежие раны. В то же лето, там же, в тюрьме Галина Андреевна родила дочь, которую назвали Люсей. Заключение Махно и нелепо сфабрикованное обвинение в "государственной измене" вызвали настоящий шквал протестов по всему миру. Патриарх французского социализма, Себастиан Фор поднял бучу во Франции. В Германии протестовали Рудольф Рокер, Эмма Гольдман, Саша Беркман. Болгарские террористы грозились взорвать все посольства Польши, если Махно будет осужден. Американцы собрали ровно 1416 долларов для заключенных. Поляк Казимир Теслар забил в набат в Варшаве. Основательно струсив, польский суд 27 ноября 1923 г. признал Махно и его поделщиков невинными и сдал их под полицейский досмотр. В "вольном городе" Данциге, куда Махно выехал с позволения властей, его схватили чекисты Уншлихта (глава "разведупра" и польской секции Коминтерна) некто Еленский и Ян Сосновский и повезли его в Берлин, в советское посольство. Он выбросился из автомобиля и сдался немецкой полиции. Снова лагерь, снова ожидание въездной визы, и снова нелегальный переход границы. Обещанные Волиным деньги, 75 долларов, Махно не получил, и после голодной зимы, от декабря 24 по апрель 25, его вывезли в Париж. В сопровождении французского анархиста Давида Полякова он приземлился во Франции, в гостеприимном доме Мей Пикер, знаменитой феминистки, накормившей голодных горячим супом.

Если военная эпопея Махно кончилась в 1921 г., то мучительная, но достойная драка с идейными врагами, тюремщиками, ренегатами, провокаторами, мошенниками продолжалась еще 12 лет. Однако он победил всех. В Париже Махно попал не в "русское блистательное общество", а в самую гущу "Черного Интернационала", где ковались ножи мировой социальной революции людьми всевозможных племен и народов. Махно пережил Ленина, желавшего его "взять под замок", в 1925 г. коммунисты зарезали своего военного начальника М.В.Фрунзе, не раз убегавшего от махновских тачанок. На "красного фельдфебеля" Льва Троцкого уже была запущена травля, и до окончательной ликвидации "фашистского пса" оставалось недолго. Сталинский топор настигнет его в далекой Мексике в 1940 г. На очереди стояли Семен Петлюра и Феликс Дзержинский. В мае 1926 г. на квартиру Махно в пригороде Парижа Вансен пришел молодой еврей Сема Шварцбард, не скрывавший своих симпатий к "махновщине". В присутствии болгарина Кири Радева он просил благословения у Махно

на убийство Семена Петлюры, истребившего всю семью беженца. Очевидно, Махно сказал: "Не надо, Семен, береги себя!", как в свое время его предупреждал П.А.Кропоткин. Семен не послушался совета. 27 мая на бульваре Сан-Мишель Семен дождался выхода Петлюры из церкви и выпустил в него шесть пуль из револьвера. Через несколько минут Петлюра скончался. На допросе в полиции Шварцбард заявил, что он отомстил Петлюре за жестокости, которые тот чинил на Украине над евреями, в частности, за убийство его родителей. 30 мая Петлюру похоронили на кладбище Монпарнас, под венками и национальным украинским флагом.

Чуть позднее, в Москве, на кремлевской трибуне хватил удар Феликса Дзержинского, так и не поймавшего Махно. Его аккуратно запечатали в Кремлевской стене. По воле судьбы "махновщина" оказалась в одном котле с российским сбродом, с которым он воевал на смерть с 1906 года. Его не желали оставлять в покое и точили ядовитые ножи. В берлинской газете журналист Арбатов и полковник Герасименко пишут подлую статью о зверствах махновцев в Екатеринославе. Большой любитель русских кабаков, журналист Иосиф Кесель, по рассказам пьяного офицера, сочинил пасквиль под названием "Махно и еврейка", где речь шла о гаремах Махно, разгулах и резне. Нестор Махно решил пресечь клеветников и дал бой легкому на перо Кеселю, сочинившему отсебятину, походившую на публичный донос, а заодно и всему блистательному русскому Парижу, который он презирал. 23 июня 1927 г. Махно назначил встречу Кеселю в знаменитом клубе Фобург, где происходили поединки партийных съездов и выступления различных ораторов. Махно раздавил журналиста в лепешку, и тот, как побитая собака, все повторял одно и то же: "Писатель имеет право на выдумку!". Выдумка Кесеся могла кончиться высылкой Махно из Франции.

18 октября 1927 г. на суде Семена Шварцбарда адвокаты-коммунисты снова подняли "еврейский вопрос", зацепив "махновщину". Свидетель, далекий от "махновщины", заявил: "В районах действия махновцев погромы не имели места, еврейское население, коммуны Бердянска, Александровска, Мериуполя с радостью встречали приход Махно, оказывая ему всевозможную поддержку". Враги оставили "махновщину" в покое, но внутри движения начались серьезные склоки. Василий Заяц, прошедший все огни и медные трубы кровавой гражданской войны, не вынес склок на чужбине и застрелился на кухне Махно. Испанский анархист, механик Дурутти, месяц прятался у Махно, спасаясь от ареста полиции. Петр Аршинов-Марин, живший в одном доме с Махно, когда-то много работавший в "культпросвете" ПАМ, поддавшись советам жены, сочинил "пробольшевистский" манифест, призывавший к сотрудничеству с Москвой. Многодетный Всеволод Волин, всемирно известный анархист, одно время председатель ВРС ПАМ, в 1924 г. по-мелкому зажавший у Махно 75 долларов, выступил с "платформой" (автор здесь не прав: с "Организационной платформой" выступили Аршинов и Махно, Волин и другие анархисты обрушились на них с критикой - прим.ред.), направленной против аршиновского "Бунтаря". Смута, поднятая Аршиновым и Волиным захлестнула весь "Черный Интернационал". Раскол совпал с арестом испанца Дурутти, нелегально проживавшего во Франции. Его выдачи требовали Испания, Аргентина и Куба. Себастиан Фор снова поднял шумиху в прессе и добился освобождения испанского бунтаря.

7 ноября 1927 г. французские масоны из "Гран Ориан" пригласили Нестора Махно на торжественное заседание, посвященное русской революции. Советский посол Христиан Раковский представлял большевиков, Махно был известен как "попутчик" революции, вожак украинских крестьян. Друзья стали шептаться, что Махно стал масоном и куплен советским посольством. Опровергая слухи, Махно выступил с горячей статьей в журнале Григория Беседовского "Борьба". Секретарша Махно Ида Метт вспоминает, что в это время Махно работал сапожником, питался впроголодь и всю получку отдавал в журнал "Дело Труда", редактором которого был Аршинов. "Мы заявляем, - писали американские анархисты, - что Аршинов своим органом "Дело Труда" внес деморализацию и дезорганизацию в русское анархическое движение в США, так и в Южной Америке". Аршинов огрызнулся в ответ: "Анархисты гонят самогон в штате Коннектикут и предаются беспробудному пьянству, как, например, бывший "максималист" Гордиенко".

Чтобы положить конец склокам, Махно решил собрать внеочередной съезд "Черного Интернационала". С Аршиновым, много сделавшим для популяризации "махновщины", а теперь круто повернувшим на смычку с большевиками, Махно было не по пути. Всеволод Волин постепенно отходил от идейной работы, сочиняя статьи для журнала Себастиана Фора "Либертер".

6 апреля 1929 г. в одном из парижских кинотеатров собрались представители Франции, Испании, Италии, Болгарии, России, Китая. Махно явился на съезд больным после неудачной операции ноги. Кинотеатр был оцеплен полицией. После заседания начались облавы и проверка документов делегатов. "Дело Махно" снова появилось на столе министра внутренних дел. Ему угрожали высылкой, если он не прекратит нелегальную деятельность. В защиту Махно снова выступила вся "левая" печать Франции. Его оставили в покое.

В 1930 г., списавшись со своим бывшим сокамерником Серго Орджоникидзе, Петр Аршинов получил советский паспорт и выехал с семьей в Москву. Нестор Махно продолжал сотрудничать с американским журналом "Пробуждение" и французским "Либертер". С помощью новой секретарши Марии Гольдсмит он писал свои "Воспоминания". Жена Галина Андреевна, опасаясь заразить дочку чахоткой, переехала на другую квартиру и открыла бакалейную лавку "Махно". На кухне Нестора постоянно сидели друзья, Гриша Бартановский или просто "Барта", гуляйполец, одноклассник по "земской школе", Давид Поляков, однополчане по ПАМ Большаков, Солдатенко, Харламов, Мазер, Заренк, болгарские эмигранты Кирил Радев, Ереван, Никола Чербаджиев. Махно не вылезал из библиотеки Военного музея Вансен, на жизнь подрабатывал малярством, сапожничал на дому, иногда выбирался на конские бега в Вансенский лес. Если ему удавалось выбраться в Париж, то в цирке "Буффало" можно было полюбоваться джигитовкой казаков под руководством бывшего генерала Шкуро. Погромщик Гуляй-Поля продолжал карьеру на цирковой арене. Военные аппетиты у него не пропали. В 1940 г. он предложил свои услуги немцам, в 1945 - выдан Москве, где и закончил жизнь в петле.

Французы не забыли "вансенского затворника". 31 июля 1931 г. они организовали "Праздник солидарности с Махно", где выступали ораторы, артисты, цирк. Денежный сбор получил Нестор Махно. Жизнь Махно в Париже не была пустой и бессмысленной, как у тысяч русских эмигрантов, потерявших доходные места в России. Он не превратился в бродягу и попрошайку. Испанцы звали его возглавить революцию! Разбитый чахоткой и ранами, Махно давал дельные советы восставшим пролетариям Испании. В 1932 г. безумный русский казак Горгулов уколошил Президента Франции Поля Думера. В русской колонии поднялся большой шум, как бы не погнали всех с гостеприимной французской земли! Год 1933 был роковым для всех. Имя Адольфа Гитлера произносили с большим почтением. Над Европой густо поднималась "коричневая чума" расизма. Париж не вмещал немецких беженцев. Загнанный Троцкий метался из одной страны в другую, нигде не получая постоянной прописки. Вокруг него толкались случайные попутчики, соорудившие "IV Коминтерн", а над головой постоянно висел сталинский топор.

Невиданный голод обрушился на Советскую Россию. На родине Махно, на Украине, палачествовали некий товарищ Постышев с чекистом Балицким, заплечных дел мастером. "Коба" Сталин созрел стать "русским царем".

21 января 1934 г. Махно узнал о смерти своего учителя Николая Рогдаева в далекой Сибири. В память своего наставника он написал замечательную статью в журнал "Пробуждение".

В феврале к площади Конкорд потянулись фаланги хорошо одетых людей с орденскими колодками на лацканах. Они разметали полицейские кордоны и пробивались к Президентскому дворцу. Было приказано стрелять по восставшим. Началось нешуточное сражение. Выносили убитых и раненых. 12 февраля профсоюзы Франции объявили всеобщую забастовку. В первых рядах анархистов Парижа, под лозунгом

"Свобода или смерть!" шел Махно. Возвратившись домой, Махно слег от тяжелой простуды. 16 марта его спустили на носилках с четвертого этажа и отвезли в больницу Тенон для чахоточных. Потянулись унылые больничные будни. Жена притащила мириться Всеволода Волина. Французские друзья засыпали палату цветами и подарками. В начале июля его оперировали. Никакого успеха. Из этих стен выносили только покойников. 25 июля 1934 г. Нестор Махно скончался. Великого анархиста, ни разу не освищенного народного трибуна, полководца первого сорта, защитника угнетенных, больных и нищих, оригинального мыслителя, поэта, журналиста похоронили у стены Парижских Коммунаров на кладбище Пер-Лашез. Его провожали в последний путь пятьсот верных соратников и друзей всех племен и наречий, под Черным Знаменем мирового анархизма.

Опубликовано в журнале «Мулета», выпуск 5. Париж, 1986.